

18+

Любовь Новгородцева

Любовь Новгородцева
Жизнь и её винтики. Рассказы

«Издательские решения»

Новгородцева Л.

Жизнь и её винтики. Рассказы / Л. Новгородцева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980797-7

Герои вошедших в сборник рассказов — обычные люди, такие же, что живут рядом с нами. Они страдают и радуются, теряют и находят, ошибаются и учатся исправлять свои ошибки. Они и есть винтики, от решений и действий которых зависит, в какую сторону покатится жизнь.

ISBN 978-5-44-980797-7

© Новгородцева Л.
© Издательские решения

Содержание

Носите бремена друг друга	6
Первое дефиле	9
Сложный уровень	17
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Жизнь и её винтики
Рассказы
Любовь Новгородцева

© Любовь Новгородцева, 2020

ISBN 978-5-4498-0797-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Носите бремена друг друга

Моё знакомство с творчеством Любови Новгородцевой началось с того, что главный редактор журнала «Литературный Омск» поэт и прозаик Галина Ивановна Целищева попросила меня как члена редколлегии посмотреть три рассказа начинающего автора Любови Новгородцевой, живущей в селе Евгашино Омской области. Один из рассказов, «Осколок», был вполне состоявшимся, без всяких скидок.

О чём он? Человек на толику души сиротеет, когда жизнь навсегда уводит его из того места, где он сделал первые шаги по половицам родного дома, где открыл для себя красоту и огромность мира. В какие-то моменты жизни возникает острая потребность снова оказаться на дорогой сердцу улице, постоять у родного дома, посидеть на берегу реки, в которой купался в детстве, подышать неповторимым воздухом родины, сходить на кладбище к дорогим могилам. И если обстоятельства распорядились так, что исчезла улица, родительский дом, от дорогого сердцу места на земле ничего не осталось, душа человека начинает маяться – некуда возвращаться.

Об этом так или иначе писали Василий Белов и Валентин Распутин, Борис Екимов и Василий Шукшин, Фёдор Абрамов и Виктор Астафьев. И вот ещё один сердечный рассказ о «любви к родному пепелищу, любви к отеческим гробам». И если бы я не знал, что автор совсем юн для прозаика, ему тогда не было и тридцати, посчитал бы, рассказ написан человеком, который долго жил, о многом передумал и в прозе не новичок. Вот строки из рассказа, герой стоит у бугорка земли, это всё, что осталось дома родителей: «Он долго стоял здесь. Воспоминания о детстве и беспокойные мысли о настоящем поочередно сменяли друг друга, и комок горечи в груди тяжело давил где-то под сердцем... Разве мог Алексей Петрович представить, что когда-нибудь не будет ни родителей, ни дома, ни деревни, и он будет стоять здесь вот так, как у могилы дорогого сердцу человека?» Сказано просто и пронзительно.

Честно говоря, были у меня опасения, а не тот ли это случай, когда, скажем, фотограф-любитель неожиданно для себя делает один-единственный в жизни по-настоящему профессиональный кадр, или художник-дилетант по какому-то наитию рисует картину, достойную кисти мастера. С подобным приходилось сталкиваться и в прозе. Тем более два других рассказа, которые мне прислали вместе с «Осколком», были намного слабее последнего.

Надо сказать, не сразу Новгородцева разубедила меня в опасении, присылая новые рассказы. Они не дотягивали до уровня «Осколка». И вдруг небольшой рассказ «В расчёте». Его героиня, Полина, оказавшаяся в непростой жизненной ситуации, вдруг осознаёт смысл слов апостола Павла: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов». Скорее всего, Полина ни разу не открывала «Новый Завет», не читала «Послание святых апостолов», но её неожиданно «пробивает»: для того, чтобы тебя любили, сочувствовали тебе, надо уметь преодолевать собственный эгоизм, видеть не только лишь свои беды и горести, свои невзгоды, но и брать на себя (хотя бы искренним сочувствием) тяготы других. Из банальной жизненной ситуации, героиня выносит крупницы мудрости, она взрослеет. И что важно: никаких таких рассуждений и умозаключений нет в рассказе, об этом ни слова, всё решено в художественной форме.

Пишет Новгородцева по-чеховски сдержанно, даже скупо, но стоит отметить, детали её прозы очень точны. Рассказ «Своя колея» о судьбе современной сельской женщины. Ничего, казалось бы, в нём не происходит. Но автор нашёл ход, который позволяет душе героини, Ларисе, обнажиться. Лариса читает письмо, написанное себе самой в школе в своё будущее. Учительница дала задание: написать себе той, которая будет на двадцать лет старше, письмо. Будущее из семнадцати лет виделось светлым и победным. Были у героини способности, было стремление сделать карьеру, но ничего не получилось. Горько героине, горько и мне,

читателю, горько, как за близкого человека – чистого, талантливого, настроенного на добро, готового делать добро людям. Нет, человек не уронил себя, не опустил, но и не раскрылся.

Скорее всего, автор не думал об этом, только как ни крути, а «своя колея» Ларисы, в которую, пережив душевный стресс, она возвращается, чтобы растить дочь-студентку, нести крест семейной жизни, колея эта проходит по обочине. Я как читатель, не могу не думать об этом. Лариса из поколения тех сельских жителей, чьи бабушки и дедушки жили трудно, порой крайне трудно, им выпала доля сначала воевать в Великую Отечественную войну, потом восстанавливать страну, поднимать деревню в тяжелейшие послевоенные годы. Их трудом советская деревня достигла расцвета... Они были нужны стране, востребованы, а внуки оказались не у дел. Поколению Ларисы сложно зарабатывать на жизнь, непросто найти достойную работу, прокормить семью, поднять детей.

Стоит ли говорить, насколько ценно в писателе умение показать героя в развитии. Это происходит в рассказе «Синие волосы». Житейскую мудрость обретает героиня-подросток Яна. Стала почти «вечной» (наряду с темами любви, смерти, войны) в нашей литературе тема неполных семей, этой трагедии, которая в первую очередь проходит по сердцам детей, оставляя на них рубцы и незаживающие раны. Родители у Яны, сами по себе, можно сказать, «положительные», но семья развалилась, отец ушёл к другой женщине. И девочка теряет жизненную опору. Она – такая соломинка на ветру – пытается с юношеским максимализмом находить свои решения, идёт на разрыв с матерью, но в процессе поиска происходит переоценка себя, своего отношения к родителям, вопросу, кто прав, а кто не прав. Она взрослеет, начинает своим сердечком чувствовать смысл Божией заповеди, говорящей о почитании родителей. Опять же, автор слова не говорит о заповедях, которые пророк Моисей принёс с горы Синай. Автор рассказывает о поступках героини, движениях её души, а что за ними стоит – это внимательный читатель понимает сам.

У подростка, героя рассказа «Сложный уровень», обстоятельства складываются так, что он при живом непутёвом отце чувствует себя никому не нужным, одиноким и теряет интерес к жизни, не видя никаких перспектив во взрослом мире, в который идти после школьного выпускного... Новгородцева умеет взять героя в сложный, даже трагичный момент и психологически верно провести по светлому и тёмному. Она обладает редким талантом, не нагнетая искусственно страсти, без какого бы то ни было надрыва тронуть сердечные струны читателя, заставить их звучать мелодией сочувствия, сопереживания, звучать так, что порой горло перехватывает. Поистине, «над вымыслом слезами обольюсь». Остаётся ожог в душе после прочтения рассказа «Сложный уровень». С одной стороны, читая, боишься – неужели развязка будет трагичной, нет, этого не случилось, но боль за страшно одинокого юношу, который идёт в большую жизнь с неприкаянной душой, остаётся в сердце. Ты не можешь не думать, как у него в дальнейшем сложится судьба, не окажется ли он снова в тупике? Ты хочешь помочь ему и не знаешь, как это сделать.

В своих рассказах Новгородцева говорит о трудном, что волнует её в окружающем мире, в современниках, молодых людях, кому выпало жить в двадцать первом веке, который ничем не лучше предыдущего, названного поэтом «веком-волкодавом». Новгородцева проживает вместе с героями их непростые жизни. И это читатель прекрасно чувствует, его не обманешь, рассказы прошли через сердце автора, они написаны не сторонним наблюдателем. Проза Новгородцевой несёт в себе свет, она очищает, она как глоток живой воды. По большому счёту Новгородцева своей прозой обращается к читателю: оставайся всегда человеком, живи по законам совести, по законам Божиим, не подличай, не замыкайся в скорлупе, в броне эгоизма, ты в ответе за себя и своих близких.

Что импонирует в Новгородцевой, она работает неспешно, вдумчиво, не торопится «быстрее-быстрее» выдать на-гора как можно больше и тем самым во что бы то ни стало заявить о себе. В её багаже пока немного написанного. Но хочется верить, выход первой книги

станет окрыляющим фактором, за первой обязательно последует вторая, третья... А то, что творчество Новгородцевой нужно читателю, востребовано говорит даже такой факт: рассказы писателя с удовольствием публикуют «толстые» журналы, такие как «Литературный Омск», «Менестрель», «Алтай», «Огни над Бией», «Веретено», она в 2017 году стала лауреатом сайта «Российский писатель» (при Союзе писателей России) – в номинации «Новое имя».

Поздравляя Любовь Новгородцеву с выходом первой книги, хочется пожелать ей плодотворной работы, работы с настроенным на любовь сердцем.

*Сергей Прокопьев,
Член Союза писателей России,
г. Омск*

Первое дефиле

Из школы Наташа пришла совершенно разбитая. В доме – холодная тишина. На столе записка на зелёной тетрадной корочке: «Наташа, я сегодня дежурная на работе. Принеси дров. Мама».

Девочка согрела себе чаю, отрезала толстый, с кисловатым запахом кусок хлеба. Хлеб со сладким чаем, самое любимое её блюдо, сегодня оказалось не вкуснее остывшей манной каши, которую дают в школьной столовой.

Обычно, перекусив, она сразу же садилась за уроки, чтобы осталось побольше свободного времени на вечер. Но сегодня не хотелось. Она свернулась в комочек в стареньком низком кресле и зачем-то стала смотреть в окно на соседский дощатый забор через дорогу, наизусть уже изученный ею до последнего пятнышка от сучка. Ничего не хотелось. Даже пошевелиться лишний раз, чтобы поудобнее уложить голову.

А виной всему было дефиле шляпок.

В конце учебного дня классная руководительница Светлана Михайловна велела никому не расходиться. Она была совсем ещё молодой, только после института, и очень красивой, с длинной тёмной косой на плече. Весь пятый класс дружно обожал её.

– Ребята, приближается восьмое марта, – объявила она. – В школе будет вечер, и от нашего класса требуется подготовить какой-нибудь номер. Я предлагаю устроить дефиле шляпок. Только не обычное дефиле, а танец-дефиле. Как вам такое предложение?

Класс обрадованно загалдел.

– Я думаю, у всех девочек найдутся красивые платья, – сияя, продолжала Светлана Михайловна. Было видно, что ей эта идея очень нравится и что она сама была бы не прочь пройтись в шляпке по подиуму. – А если у кого-то нет шляпки, то её можно сделать своими руками, так будет ещё интереснее.

По кабинету зазвенели возбуждённые девчоночьи голоса.

– У меня есть шляпка!

– И у меня есть!

– А мне как раз хотели купить!

– Мне тоже купят!

– А мы с мамой сами сделаем!

Учительница улыбалась, глядя на то, какой живой интерес вызвало её предложение.

Наташа, находившаяся в тот момент на своём месте в первом ряду за третьей партой, вжалась в холодную стену и испуганно замерла. Ей казалось, что кто-нибудь обязательно спросит, есть ли у неё шляпка и платье. К счастью, во всеобщей радостной суматохе про неё никто не вспомнил.

Назначив репетицию на четыре часа, Светлана Михайловна распустила класс по домам. Наташа вместе со всеми пошла в раздевалку, надела свою грязно-голубую куртку, завязала на худенькой шее длинный красный шарф, закинула на спину набитый до отказа ранец и вдруг решила вернуться и честно сказать учительнице, что не сможет принять участие в дефиле. Она бросилась наверх, но дверь кабинета уже оказалась заперта.

...Мама долго не возвращалась с работы. Наташа заставила себя сделать уроки, натаскала несуразно-корявых, облепленных снегом дров, с которых потом натекла длинная лужица до самой середины кухни. Включила свет в обеих комнатах, когда уличная темнота тяжело навалилась на их маленький домик и его стены начали пощёлкивать от натуги. Жаль, что телевизор сломался. Всё-таки когда в доме звучат человеческие голоса, делается уютней и веселей.

В такие часы Наташа обычно спасалась мечтами. Она с наслаждением погружалась в это особое состояние, в это иное измерение, где всё происходило не так, как в настоящей жизни, а так, как ей хотелось.

В последнее время она стала много думать о папе. Ведь где-то же он был, её папа. Не может же быть, чтобы он совсем-совсем не помнил свою дочь и не хотел приехать. И как у других детей бывают любимые мультфильмы, которые хочется просматривать снова и снова, так у Наташи были любимые мечты.

В голове частенько прокручивалось одно и то же: вот она стоит на перекрёстке и встречает городской автобус. Автобус показывается вдалеке, подъезжает, устало вздымая боками, сворачивает на обочину и с шипением открывает двери. Из салона начинают выходить люди. Разные люди: и мужчины, и женщины, и старые, и молодые. Они выходят и выходят, выходят и выходят, а Наташа смотрит на них во все глаза. Она твёрдо знает, что на этом автобусе приехал папа, так же, как и то, что среди вышедших его пока нет. Рядом ехидно перешёптываются Дашка Сорокина и Лизка Пирогова – самые зазнавшиеся девчонки в классе. Наташа их терпеть не могла.

– Нет у неё никакого отца! – отвратительно морщат они свои носы, которые имеют обыкновение засовывать всюду, куда надо и не надо. – Врёт она всё!

И тут перед ними появляется высокий, плечистый, статный мужчина. Наташа сразу же узнаёт его, хоть и не видела ни разу в жизни. Он тоже узнаёт её. Сбрасывает с плеча на землю дорожную сумку и подхватывает Наташу большими, сильными руками:

– Здравствуй, доченька! Вот я и приехал!

Она обнимает его за шею и с торжеством смотрит на Лизку с Дашкой. А у тех от удивления такой вид, словно они собственными языками подавились. Потом папа ставит её на землю, и они отправляются домой. Навстречу им то и дело попадают соседи, одноклассники и даже Светлана Михайловна, все смотрят с удивлением и любопытством... А она идёт гордая и счастливая и всем своим видом словно бы говорит: «Не верили, что у меня есть отец? Вот, смотрите!»

Как-то ещё совсем маленькой Наташа увидела по телевизору одного актёра. Он был такой красивый, что у неё аж дыхание перехватило: светловолосый, голубоглазый, с правильными чертами лица. «Как мой папа!» – почему-то подумала тогда она. С тех пор и представляла его таким. Её воображаемый отец совсем не был похож ни на одного из тех мужчин, что иногда приезжали к маме. Все они были по-своему некрасивы: у кого нос огромный, у кого зубов не хватает, у кого ещё что. Мама знакомилась с ними по телефону и зачем-то приглашала в гости. Они появлялись на день-два, и она делалась необычайно весёлой и неприятно-чужой. Наташа напускала на себя равнодушный вид, но на самом деле ей ужасно не нравилось присутствие в доме этих гостей, хоть они и пытались задобрить её шоколадками или деньгами. Она подолгу гуляла на улице, зимой – пока не начинали коченеть ноги, летом – пока окончательно не темнело. Когда становилось совсем невмоготу, стараясь сделать себя незаметной, девочка заходила в дом, торопливо выпив стакан чая с хлебом, пряталась под одеялом и давала там волю мечтам.

Был у неё и другой герой «видений» собственной режиссуры – Сашка Лазарев, белобрысый симпатичный мальчик с особенной улыбкой. Больше всего ей нравился эпизод, когда они вместе шли из школы. Им было по пути, только её дом находился намного дальше. Они шагали, не торопясь, и болтали о всяких пустяках. Поравнявшись со своим домом, он приостановился было, но потом вдруг махал рукой:

– Не хочу домой. Лучше прогуляюсь.

На этом месте у неё всегда начинало трепетать сердце.

Они шли дальше, и чем ближе становилось окончание их совместной прогулки, тем молчаливее и скованней становился он.

- Скажи, а у тебя есть кто-нибудь? – решился он наконец на самый важный вопрос.
- Нет, – отвечала она, а сердце уже тарабанило, как обезумевшее.
- Тогда... давай встречаться.

Что означает слово «встречаться», Наташа толком не знала, но встречаться с Сашкой ей очень хотелось, поэтому она, специально помедлив, будто обдумывает его предложение, отвечала смущённо:

- Ну... давай.

...В сенях скрипнула дверь. Это пришла мама. Она впустила в дом дымчатое холодное облако, по-кошачьи дожидавшееся за дверью. Устало сняла и повесила на гвоздь рабочую куртку, насквозь пропахшую коровами и фермой. Наташа обожала этот запах – запах маминго возвращения.

- Ты ела? – осведомилась мама первым делом. И вторым: – Уроки выучила?

И сразу же занялась печкой.

Наташа наблюдала за мамиными суетливо-сердитыми движениями с нарастающим в груди волнением. Сбиралась с духом, чтобы рассказать ей про дефиле шляпок. Впрочем, пока печь не растопится, начинать такой важный разговор не стоило. Обычно мама не могла растопить её ни с первого, ни со второго раза и из-за этого злилась на всё вокруг.

Когда печь обрадовано загудела, защёлкала от удовольствия, как проголодавшийся зверь, которого наконец-то накормили, Наташа решилась:

- Мама, у нас на восьмое марта будет дефиле шляпок...

Мама вопросительно подняла на неё устало-отрешённые глаза.

– Мне нужно платье, – посмотрев в эти глаза и догадавшись, каким будет ответ, всё же договорила девочка. – И шляпка. Светлана Михайловна сказала, что шляпку можно сделать самим...

– Вот и пусть делает, если она такая умная! – отрезала мама. Но, видимо, тут же пожалев о своей резкости, умоляюще стала взывать к разуму дочери: – Ну ты же понимаешь, что у нас нет сейчас денег. Я же не сделаю тебе шляпку из воздуха, для этого тоже нужно купить какой-то материал. Не говоря уже о платье. Просто не ходи на это дефиле и всё.

«Почему у нас никогда нет денег? – хотела взбунтоваться Наташа. – У всех есть, а у нас нет?» – но не успела.

У мамы пиликнул телефон, оповещая о том, что пришло сообщение. Мама тут же кинулась к нему, как будто от этого сообщения зависела вся её жизнь, лицо мгновенно загорелось интересом.

- На эсэмэски у тебя почему-то всегда есть деньги, – буркнула Наташа.

– Что? – быстро-быстро тыкая пальцем в телефонные кнопки, рассеянно переспросила мама.

Девочка не ответила. Усилием воли она подавила в себе это глупое восстание. Подхватив на руки кота, который, выпрашивая внимания, тёрся у её ног, ушла в комнату с неработающим телевизором и расправила себе кровать. Спать ей ещё не хотелось, но и с мамой разговаривать тоже.

Ну почему жизнь так несправедлива? Почему Светлана Михайловна придумала это дурацкое дефиле? Как будто нельзя было придумать что-то другое! Почему у мамы вечно ни на что нет денег? Почему папа не приезжает? Ну допустим, поссорились они когда-то с мамой. Так поссорились, что на всю жизнь. Но она-то, Наташа, разве в чём-то виновата перед ним? Мог бы хоть письмо написать... И в конце концов, почему Сашка Лазарев не обращает на неё никакого внимания? Ну хоть бы... ну хоть бы ручку попросил на уроке. Или карандаш...

Накрывшись одеялом с головой и свернувшись калачиком на холодной простыне, Наташа притянула к себе тёплого кота. Кот прижался к её животу, замурчал от удовольствия. Как, должно быть, ему хорошо живётся! Никаких проблем.

На следующий день в школе, не успела она зайти в класс, к ней подступили Дашка Сорокина и Лизка Пирогова и потребовали объяснений:

– Колесникова, ты почему вчера не пришла на репетицию?

– Я... забыла, – пролепетала Наташа первое, что пришло в голову.

– Забыла она! Значит, на лбу себе записывай: завтра в четыре! Поняла?

– А вы ей сами на лбу напишите, чтобы точно не забыла, – хохотнул пробежавший мимо Ванька Пашков. За ним пробежал Сашка Лазарев и тоже засмеялся.

– В следующий раз так и сделаем, – наставительно произнесла Дашка.

Наташу всегда злил этот её тон: возомнила себя самой главной в классе! Но сейчас куда сильнее задел Сашкин смех. Получается, Сашка был как бы заодно с ними, по другую сторону от неё.

На уроке, а это был урок истории, она присутствовала только физически, мысли снова унесли её в спасительный мир мечтаний.

На этот раз она тяжело заболела, и её увезли на скорой в город. Оказалось, что у неё большое сердце, ей сделали операцию и кое-как спасли. Когда вернулась домой, похудевшая, осунувшаяся, одноклассники стали относиться к ней с некоторой опаской и уважением. Никто не обзывался и не толкался. Дашка с Лизкой вообще обходили за три метра. Сашка тоже долго не знал, как к ней подойти. Наконец, решился. Подошёл, когда она одиноко стояла у окна в школьном коридоре, рисуя на запотевшем стекле ромбики и кружочки. Он виновато склонил свою белобрысую голову и сказал:

– Ты это... извини меня, что я тогда над тобой смеялся. Я же не знал, что у тебя сердце большое...

– Да ладно, – великодушно ответила ему Наташа. Но простив на словах, в душе всё равно не простила. Стерев ладошкой свои «художества» с окна, она отвернулась и пошла по коридору, гордая и независимая...

Мечты утешают, но, к сожалению, не решают проблем. Платья у неё не было и не будет, как и шляпки тоже. Наташа могла бы признаться в этом Светлане Михайловне один на один, но сделать это перед всем классом было невероятно стыдно и унижительно. Как назло, Дашка с Лизкой постоянно крутились рядом с учительницей. Оставалось два варианта: либо пропустить репетиции и каждый раз придумывать в оправдание уважительные причины, либо ходить на них, но потом пропустить сам праздник. Она промучилась все шесть уроков и половину дороги домой, не зная, какой из вариантов выбрать. Ни тот, ни другой не подходил ей. Она и сама толком не понимала почему, но подсознательно чувствовала, что вряд ли у неё хватит душевных сил на такое длительное враньё.

Решение пришло неожиданно, как будто кто-то невидимый, не вытерпев её мучений, шепнул на ухо: «Нужно на самом деле заболеть! Например, ангиной!»

«Точно!» – обрадовалась Наташа подсказке этого невидимого. Ей тут же вспомнилось, как в первом классе она однажды наелась сосуллек, чтобы проверить, действительно ли от них можно заболеть. Эксперимент оказался удачным: на следующий же день у неё подскочила температура под сорок, и её положили в больницу. В больнице Наташе не понравилось, поэтому подобных экспериментов она больше не повторяла. Но сейчас это было необходимо сделать, чтобы спастись от ненавистного дефиле.

Девочка остановилась у первого же сугроба. Солнце уже оплывало его, покрыло ломкой, хрустящей корочкой. Она аккуратно отломила причудливый многоугольник и стала откусывать от него маленькие кусочки. Один за одним она проглатывала и проглатывала их, не обращая внимания на разболевшиеся от холодного зубы. Для пушшего эффекта развязала шарф и растянула молнию на куртке до груди, чтобы ветер получше продул шею. До дома она успела съесть около десятка таких ледяных корочек. Последнюю доедала, уже стоя на крыльце.

Вдруг дверь распахнулась, и из сеней вышла мама в старой замусоленной куртке, в которой обычно ходила за дровами. Застав дочь за её занятием, она сначала даже растерялась, а потом зло и одновременно испугано закричала:

– Ты что делаешь?! Заболеть хочешь?!

Наташа сжалась от страха на какую-то долю секунды, но потом на неё нахлынула непонятно откуда взявшая смелость, и она с вызовом ответила:

– Да, хочу!

Мама непонимающе округлила глаза:

– Ты что, чокнулась что ли?

– А что мне остаётся делать? У всех есть и платья, и шляпки, только у меня одной вечно ничего нет! Со мной и так уже никто общаться не хочет, потому что мы бедные! – выбросив недоеденную ледышку, Наташа прошмыгнула в дом, злорадно подумав, что до самого девятого марта не будет ходить в школу, неважно, заболит или нет.

Мама не разговаривала с ней до вечера, и сначала Наташе казалось, она сердится, но потом стало ясно, что она просто погружена в себя и о чём-то думает.

Вечером после работы, переделав все незамысловатые дела по хозяйству, мама достала из шкафа старую, ещё прабабушкину, швейную машинку, тяжело взгромодила её на обеденный стол и тщательно протерла от пыли. Затем извлекла из недр шифоньера своё единственное бирюзовое платье, которое надевала очень редко, может быть, раз в год, а то и реже. Платье было совсем простенькое, прямого покроя, с бело-голубым колье на вырезе. Положив на стол, она задумчиво и нежно разгладила его руками, словно оно было живое, и позвала к себе дочь.

– Ну-ка, надень.

– Оно же мне большое, – вяло произнесла Наташа.

– Я попробую его перешить.

Наташа слабо верила, что из этой затеи что-то действительно может получиться, но послушалась, надела. Платье повисло на ней почти до самых щиколоток, будто мешок с прорезями для головы и рук. Мама оглядела её со всех сторон, не очень уверенно, тоже, видимо, сомневаясь, опустилась на колени и принялась поочередно подворачивать платье то в поясе, то по бокам, пытаясь определить, где сколько нужно отрезать и где на сколько приподнять.

– Мам, а ты как?

– Что – «как»?

– Ну как ты будешь без платья?

– Я? – мама удивилась её вопросу. – Да я его и не ношу почти. – И помолчав, добавила так тихо, словно не хотела, чтобы кто-то, кроме неё самой, расслышал: – Так, храню, как память...

У Наташи пошли мурашки от любопытства.

– О ком?

– О своей матери, твоей бабушке. Она мне это платье подарила.

На следующий день Наташа пошла в школу с першением в горле и с лёгкостью в душе. Хоть платье пока и не было готово, но теперь она уже не сомневалась, что у мамы всё получится. К тому же ей очень нравился его бирюзовый цвет. Правда, ещё ничего не было ясно со шляпкой, но, наверное, мама уже что-то придумала.

– Слышь, Колесникова, ты про репетицию не забыла? – подошли к ней на перемене Дашка с Лизкой.

– Представьте себе, не забыла! Но всё равно спасибо, что вы так волнуетесь обо мне, – съехидничала Наташа.

Больше она не пропустила ни одной репетиции (горло, попершив несколько дней, прошло) и усердно повторяла танец дома перед зеркалом, когда ждала маму с работы. Ей необходимо было отточить все движения так, чтобы выступить не хуже Дашки с Лизкой, а может, ещё и лучше. И, кружась по тесной комнате, то и дело ударяясь коленкой о кровать и задевая рукой

тумбочку, на которой стоял сломанный телевизор, она воображала себя блистающей на сцене школьного актового зала.

В очередной Наташиной мечте все зрители, а особенно Сашка Лазарев и Светлана Михайловна, восторженно наблюдали за ней. А когда после выступления весь класс собрался в своём кабинете, и Дашка с Лизкой, подбежав к учительнице, как две собачонки, преданно заглядывая ей в глаза, спросили, кто танцевал лучше всех, она ответила с улыбкой:

– Девочки, вы все хорошо танцевали, но лучше всех – Наташа Колесникова.

Они обиженно надулись и чуть не лопнули от расстройства. Мальчишки посмотрели на Наташу с уважением, а Сашка сказал:

– Молодец, Наташка! Утёрла им носы, а то ходят всегда такие важные...

Наконец, наступил день первого Наташиного дефиле.

Собираясь на школьный вечер, она то и дело весело заглядывала на себя в зеркало. Перешитое платье сидело почти идеально, разве что было немного широковато в талии, и с левого бока свисало чуть ниже, чем с правого. На голове – старая соломенная шляпа, найденная в заваленной разным хламом кладовке. Мама пришила по нижней части тульи бирюзовую полоску ткани, соорудила из обрезков некое подобие розочки и получилось довольно элегантно.

Но когда Наташа пришла в школу и посмотрела своих одноклассниц в настоящих, магазинных платьях и шляпках, с накрашенными по-взрослому глазами, с завитыми волосами, радость её лопнула, как воздушный шарик, наткнувшийся на сучок, и осталась от радости в душе только унылая безжизненная тряпочка.

Пятый класс объявили первым. Их танец был поставлен таким образом, что сначала девочки выходили по очереди из задних кулис, проходили до края сцены, демонстрируя шляпки, затем вставали каждая на своё, оговорённое заранее, место. После музыка менялась на более ритмичную, и тогда они начинали танцевать.

Наташин выход был где-то в середине. Сначала она просто слегка волновалась, но по мере его приближения, волнение стремительно разрасталось и за считанные секунды переродилось в такой дикий ужас, что ей стало трудно дышать, из головы исчезли все мысли, а ноги она и вовсе перестала чувствовать, как будто они решили жить собственной, отдельной от неё жизнью. Когда подошла Наташина очередь выходить, они с неожиданной легкостью вынесли её на сцену... и вдруг налились каменной тяжестью, приросли к полу. Зрительный зал ослепил девочку сотнями глаз. Наташа с удивлением ощутила, что не только ноги, но и всё тело больше ей не подчиняется. Со всех сторон зло зашипели голоса одноклассниц:

– Колесникова, ну чё встала?!

– Дура!

– Ну давай дальше!

– Да пните её кто-нибудь!

– Молись, Колесникова!

Общими «усилиями» им удалось сдвинуть Наташу с места. Оцепенение понемногу стало отпускать, но тело осталось тяжелым и неповоротливым. Кое-как она дотащила его до края сцены, потом до своего места в танце. Теперь ей было уже не до того, чтобы выступить лучше Лизки с Дашкой. Кружение, которое с таким упоением она репетировала дома, здесь на сцене оказалось сущим мучением. Её шатало из стороны в сторону, как пьяную, колени дрожали и не разгибались. Со стороны она, наверное, выглядела как цапля на болоте.

Это был самый отвратительный день в её жизни.

После выступления Лизка с Дашкой притащили Наташу в класс и устроили ей «разбор полетов». Они, словно две ожившие куклы из фильма ужасов – сами в чудесных, милых платьицах, а лица обезображены яростью – оттеснили её в угол между доской и дверью. Остальные девочки не вмешивались, только наблюдали, но было ясно, что все они заодно.

– Колесникова, ну что ты вечно позоришь наш класс?! – сквозь сжатые зубы прошипела Лизка. – Мало того, что одета как зачуханка, так ещё и выступить нормально не можешь!

Дашка сорвала с Наташиной головы шляпку и брезгливо сморщила нос:

– Ты на какой помойке её нашла?

Наташа видела, что ещё немного – и они набросятся, расцарапают ей ногтями лицо, но смиренно стояла перед ними, опустив голову и не делая попыток хоть как-то постоять за себя, потому что, ей казалось, они имели на это право.

– Ну что ты стоишь как истукан? – Дашка толкнула её в плечо.

Наташа молчала.

– Если только мы не займём никакого места, – угрожающе, с расстановкой процедила Лизка, – пеняй на себя! Лучше тогда тебе будет либо уехать отсюда, либо остаться на второй год, – в её глазах сверкнули две злющие молнии, – потому что я тебя в своём классе терпеть больше не намерена! Поняла?

Наташино молчание вывело Дашку из себя, и она закричала ей прямо в ухо:

– Ты поняла или нет?! Отвечай! Мы тут с кем разговариваем, сами с собой, что ли?!

Ответить Наташа не успела. Дверь открылась, и в класс зашла Светлана Михайловна.

– Вот вы где! А я думаю, куда вы все подевались.

Увидев Наташу с понуро опущенной головой и пышущих яростью Дашку с Лизкой в углу кабинета, она встревоженно спросила:

– Что у вас тут происходит?

– Ничего, мы просто разговариваем, – быстро ответила Дашка и грубо пихнула Наташе в руки её шляпку.

Светлана Михайловна, конечно же, всё поняла. Она подошла к Наташе и ободряюще приобняла её за плечи, окутав сладким облаком духов.

– Девочки, – примирительно сказала она, – Наташа просто переволновалась, и мы с вами должны поддержать её в этой ситуации, а ни в коем случае не осуждать. Знаете, когда я была маленькой, чуть помладше, чем вы сейчас, со мной случилась точно такая же история, даже хуже.

Девочки приготовились слушать, а у Наташи от горячей благодарности к учительнице, такой горячей, что до боли обожгла всё внутри, предательски задрожал подбородок и выступили слёзы. Она ещё ниже опустила голову в надежде, что одноклассницы ничего не заметят.

– Родители отдали меня в школу искусств на пение, – продолжала Светлана Михайловна, – преподаватели хвалили, сначала в детский хор меня поставили, а потом решили сольную песню дать. На репетициях я пела прекрасно. Но вот пришло время выступления, я вышла на сцену и, увидев, как много людей смотрит на меня, так жутко перепугалась, – тут она улыбнулась своим воспоминаниям из детства, было видно, что сейчас они кажутся ей забавными, – ведущий объявил меня, музыка заиграла, люди песню ждут, а я головой мотаю и говорю: «Нет, не буду петь. Я передумала!». И всё это в микрофон. Ну, тут весь зал грохнул от хохота. Я убежала со сцены, только пятки засверкали.

– А потом что? – заволновались девочки.

– А потом на следующем концерте я пересилила свой страх и спела. И после этого у меня было ещё много выступлений и вокальных конкурсов, где я занимала призовые места. Так что... – она потрепала Наташу по плечу, – не зря же народная мудрость гласит «первый блин комом».

Наташа хоть и совладала со слезами, но не утешилась, ей совсем не стало легче от того, что её первое дефиле превратилось в скомканный блин. Ведь ни у кого не превратилось, только у неё одной. И почему она родилась такой несчастной? Только всем всё портит. И места из-за неё никакого не заняли. И у мамы жизнь не сложилась. Поехала бы в город, устроилась бы

там, встретила бы человека. А куда она поедет, на кого её, Наташу, оставит? Вот и платье единственного своего лишилась. А она даже выступить нормально не смогла.

Когда Наташа приплелась домой, мамы не было, она уже ушла на дойку. На столе вместо привычной записки с указанием что-то сделать лежала плитка шоколада.

Перед тем как переодеться, девочка ещё раз посмотрела на себя в зеркало. И с чего она взяла, что платье сидит на ней идеально? Оно висело на её худой фигурке криво и несуразно. А шляпка, потемневшая от пыли и долгого времени, проведенного в захлавленной кладовке, выглядела так, как будто ей уже больше ста лет.

Наташа сняла наряд и, небрежно свернув, засунула в дальний угол на своей полке в шкафу. Даже не прикоснувшись к шоколадке, забралась с ногами в продавленное, давно уже не мягкое кресло, и прикрыла глаза. Как она, оказывается, устала за всё это время!

– Ну, как всё прошло? – первым делом поинтересовалась мама, вернувшись с работы.

Наташа посмотрела на неё, худую, маленькую, уставшую, и подумала, что незачем ей знать, какая у неё трусливая и неуклюжая дочь.

– Нормально, – ответила нейтральным тоном.

– А что девочки сказали про платье?

Наташа знала, что говорить неправду – нехорошо. Но разве будет хорошо, если она скажет такую правду?

– Они сказали: «Какое красивое платье! За сколько вы его покупали?» – само собой слетело с языка.

Совесь ущипнула её где-то в животе.

– Правда?! – обрадовалась мама. – А ты что?

– Я сказала, что ты сама его сшила.

– А они что?

– Удивились. Даже не поверили сначала.

Мамино лицо просияло. В доме стало светлее, как от дополнительной лампочки. И в душе у Наташи тоже стало светлее.

«Ну что ты щиплешься? – спросила она у совести. – Кому станет плохо, если у моей мамы в жизни будет на одно огорчение меньше?»

Совесь притихла. Ей нечего было ответить.

Сложный уровень

1.

Ирина вынимала тарелки из шкафчика над мойкой и, аккуратно обёртывая желтоватой газетной бумагой, складывала в коробку. Послезавтра её семью ожидало грандиозное событие – переезд в собственную двухкомнатную квартиру в городе. И Ирина радовалась, но вяло, короткими вспышками. Было одно обстоятельство, которое мешало радоваться как следует.

– Мама! – вбежал в кухню встревоженный Никитка и, ещё не зная причины, Ирина почувствовала, как тревога сына передаётся ей, обвивает плечи, скользит по спине холодной змейкой.

– Что?!

– Там милиционер... К нам подъехал! Просит, чтобы ты вышла!

«Полиция? К нам? Зачем? Что-то с Сергеем? Или Никитка что-то натворил? – вихрем пронеслось у Ирины в голове. – Да нет, не может быть!»

Она поспешила к неожиданному гостю, еле сдерживаясь, чтобы не поддаться панике раньше времени. Никитка, возомнив себя хозяином в отсутствии отца, деловито шагал следом. С одинаковым испугом в одинаковых круглых карих глазах, оба темноволосые, короткостриженные, похожие друг на друга, как два подберёзовика на картинке, они вышли за ворота.

– Здравствуйте. Участковый Потапов, – вежливо представился полицейский. – Мне нужно задать вам несколько вопросов о ваших соседях.

На мгновение Ирине полегчало.

– Хорошо, задавайте, – разрешила растеряно, а в голове уже конвейером текли предположения о том, что могло произойти у соседей.

Подрались? Украли что-то? Может, Кольку за какие-нибудь прошлые дела разыскивают?

– Можно пройти в дом? Так будет удобнее.

– Конечно, проходите.

В прихожей она суетливо огляделась, решая, куда лучше провести участкового. Обычно гостям предлагалось пройти в зал, но сейчас зал был заставлен коробками и мешками, палас свёрнут, на полу бледнел матовый прямоугольник въевшейся пыли. Только книжный шкаф пока стоял неразобраным.

– Пойдёмте лучше на кухню.

На кухне ещё почти всё находилось на своих местах.

– Переезжаете? – поинтересовался участковый, усаживаясь за стол и доставая из папки какие-то бумаги.

– Да. В город.

Никитка, как приросший, стоял рядом. Ирина хотела отправить его в комнату, но участковый вмешался:

– Пусть останется, – и, словно кувалдой по столу, обрушил свой первый вопрос: – Когда вы в последний раз видели сына ваших соседей Новосельцева Антона?

«Что-то с Антоном? О, Господи!»

– Вчера, – ответил Никитка.

– В какое время?

– Днём.

– Где ты его видел?

– Здесь.

– Он приходил к вам?

– Да.

– Чем вы занимались? – полицейский был предельно терпелив и осторожен, как ищейка, идущая по едва уловимому следу, который в любое мгновение может оборваться.

– ...Ничем, – Никитка осип от волнения.

– Он приходил подстригаться. Перед выпускным. У него вчера выпускной был, – торопливо пояснила Ирина и взмолилась: – Да скажите наконец, что случилось?

– Пропал парень. После выпускного не вернулся домой.

Часы над столом показывали шесть вечера. Прошли уже целые сутки.

– Его родители сказали, что он дружил с вашим сыном и часто бывал у вас, – продолжал участковый. – Вы не замечали ничего подозрительного в его поведении в последнее время? Он не говорил, что хочет поехать куда-нибудь?

Ирина ничего такого не помнила и с надеждой посмотрела на Никитку. Тот испуганно замотал головой.

Участковый спрашивал и спрашивал.

– Он рассказывал об отношениях с родителями? Может, у них был какой-нибудь конфликт недавно? Может быть, у него были проблемы в школе? У него не было девушки, с которой он мог поссориться? Он никогда не заговаривал о суициде?

Ни на один вопрос Ирина с сыном не смогли дать вразумительного ответа. Участковый записал их скудные показания и ушёл, оставив номер телефона на случай, если что-то вспомнится, и жуткую, пробирающую до костей тишину.

Никитка сел на его место и понуро опустил голову.

– Ты точно ничего не знаешь? – строго кольнула его взглядом Ирина.

– Говорю же: не знаю! – буркнул он.

Ирина опустила на табурет напротив сына. За спиной громко гудел холодильник. Часы чёткими хладнокровными ударами отсчитывали: «Ан-тон, Ан-тон...»

Что с ним могло случиться? Он должен был вернуться домой сразу после торжественной части. В клуб с одноклассниками не собирался... И тут Ирину пронзило воспоминание: вот он сидит на стуле перед зеркалом, обёрнутый парикмахерской накидкой. Светло-русые, жёсткие волосы непослушно топорщатся на макушке, свисают на уши. Со спины ему не дашь пятнадцати. Ирина берёт в руки расчёску и встречается с его зелено-карими глазами в зеркале. Их выражение неожиданно пугает её, она отдёргивает взгляд и спрашивает у мелких веснушек, едва-едва проступающих на его носу:

– Как будем стричься?

– Как-нибудь, – говорит он. – Мне всё равно.

– Полубокс пойдёт?

Он кивает и добавляет ворчливо:

– И зачем придумали эти выпускные? Как будто нельзя просто отдать аттестаты и всё.

– Как зачем? – не соглашается она. – Вы шли к этому девять лет, это итог пути, он должен стать памятным. Тем более, некоторые ребята уйдут из школы.

– Я бы тоже ушёл, – вздыхает он.

Она выбирает подходящую насадку для машинки и прежде, чем включить, снова цепляется за его взгляд в зеркале. В нём столько страдания, бездонного и откровенного, что у неё снова не хватает сил его выдержать.

– А вы не пойдёте к нам на выпускной? – вдруг спрашивает он.

– Я? – удивляется Ирина. – Как-то не собиралась...

...Воспоминание растеклось в груди тупой болью. Это надо же быть такой слепой! Ведь он так смотрел, потому что пытался что-то сказать ей! Может, он тогда уже знал, что не вернётся вечером из школы? Зачем-то же он спросил, пойдёт ли она на выпускной.

2.

Антон появился в их семье прошлой осенью. Именно так: в семье. Ирина хорошо помнила тот день. Солнце поливало мир ласковой грустью, и весь дом был наполнен спокойным, золотистым, как вода в пруду, воздухом. Она приготовила обед и ждала Никитку из школы. К её неудовольствию, он пришёл не один.

Ирине не нравилось, что сын общается с соседским мальчиком. Во-первых, тот учился уже в девятом классе, а Никитка ещё в шестом. Во-вторых, чему может научить старший товарищ из неблагополучной семьи, кроме как пить, курить и ругаться матом? Её материнское сердце очень боялось, что такой друг будет плохо влиять на Никитку. И вот пожалуйста – он привёл его домой.

– Мам, – извиняясь, но глядя твёрдо и упрямо, произнёс Никитка, – Антон посмотрит у нас домашку по информатике, ладно? Им просто скинули её в «Дневник.ру», сказали там взять. А у него сейчас нет инета.

– Здравствуйте, – вежливо кивнул Антон.

– Ну проходите, – разрешила Ирина, не скрывая, впрочем, что не рада такому гостю.

Раньше Антон с матерью и отчимом жил в городе, а соседкой Ирины была старенькая, тихая бабушка – баба Тоня. Они прожили в соседях двенадцать лет, и десять из них баба Тоня ждала своего без вести пропавшего сына Кольку.

– Вот Колька приедет... – часто повторяла она, возлагая на него большие надежды, дескать, он и ворота поправит, и забор поменяет, и крыльцо починит.

Люди, которые помнили Кольку молодым, в его возвращение не верили. Говорили, он был отчаянным драчуном, выпивохой и неутомимым искателем противозаконных приключений. Но года два назад он неожиданно объявился, постаревший, потрёпанный жизнью, обросший, худой, сутулый, без левой руки – обморозил, и врачи ампутировали её по самый локоть. Отлежавшись у матери, он отправился обратно в город. Сельская жизнь была слишком тягостна для него.

С матерью Антона он познакомился, когда лежал в больнице. Она работала там санитаркой. Говорили, она сошлась с ним только из-за пенсии, иначе зачем бы он был ей нужен, старый и без руки. Про него говорили, что он сошёлся с ней от безысходности, иначе зачем она ему, гуляющая и «с довеском».

В городе они снимали комнату. На что-то лучшее средств не хватало. Уживаться втроем на пятнадцати квадратных метрах было непросто, поэтому, когда баба Тоня умерла, они решили переехать в деревню.

Новоселье отпраздновали так грандиозно, что перепугали пол-улицы. Колька пригласил друзей юности, полночи у него в ограде рычала и хрипела музыка, потом музыка сменилась басистыми мужскими криками, пронзительным женским визгом, треском, глухими ударами, звоном стекла. Кто-то вызвал полицию...

Ирину трясло до самого утра, даже после того, как полиция усмирила празднующих и стало тихо. «Вот это соседи! – думала она. – Нет, надо поскорее уезжать отсюда!»

Они с Сергеем давно уже задумались о переезде и усиленно копили на квартиру в городе. Сергей работал на севере, уезжал из дома на три, на четыре месяца, а бывало, и на полгода. Из заработанных им денег на жизнь они брали необходимый минимум, остальное заботливо прикладывали. Ирина тоже немного «калымила» парикмахером на дому.

Общаться с новыми соседями у неё не возникало никакого желания. Подобных празднеств больше не повторялось, но время от времени из их ограды или огорода доносилась такая истеричная, отборная брань, что первое время Ирина пугалась, а потом привыкла, когда поняла, что для них это в порядке вещей.

Однажды Колька сделал попытку познакомиться. Это было в начале сентября, когда вся деревня высыпала в огороды копать картошку. В воздухе стоял смешанный запах земли и прелой ботвы, весело гремели вёдра. Ирина докопала рядок, подняла голову и увидела, что к ней

направляется Колька, огромными сапожищами распиная по сторонам лежавшую на пути ботву.

– Привет, соседка! – развязно поздоровался он и хитро сощурился, наверное, хотел таким образом произвести впечатление. – Ну чё, нормальный картофан уродился?

– Нормальный.

– И у нас ничё. Вишь как, садила мать, а копать пришлось мне... А ты чё одна-то с мальцом? Чё помощника не заведёшь?

Ирина отвечала вежливо, но односложно и с холодком, как будто выстраивала из слов забор, огораживая от Кольки свою территорию.

– Чё-то ты неразговорчивая... – вздохнул он, ловким движением руки вытряхнул из пачки в рот сигарету и пошёл обратно, покачивая пустым рукавом.

С матерью Антона Ирина близко не сталкивалась, видела её только на расстоянии: в огороде или когда та проходила мимо окон. В облике новой соседки проскальзывало что-то грубое, хамское, отталкивающее. Она напоминала озлобленное животное, которое, не раздумывая, укусит, если протянешь к нему руку.

...Прошло уже достаточно времени для того, чтобы посмотреть домашнее задание. Ирине хотелось поскорее выпроводить гостя. Она решительно направилась в зал, где в углу между окном и диваном ютился компьютерный стол, уверенная, что «Дневник.ру» – это всего лишь предлог, и на самом деле он уже всю сидит в каком-нибудь «ВКонтакте» и строчит своим сомнительным друзьям сообщения.

К её удивлению, компьютерный стол пустовал. На полу, прислонившись «плечом» к дивану, валялся школьный рюкзак с надорванной лямкой. Его хозяйина Ирина с ещё большим удивлением обнаружила у шкафа с книгами. Слегка склонив голову набок, он увлечённо рассматривал книжные корешки.

Читать Ирина любила безмерно. Её читательские предпочтения были широки, она и классику уважала, и за современной литературой старалась угнаться. Вся домашняя книжная коллекция была собрана до того, как они с Сергеем начали копить на квартиру, когда она ещё могла себе позволить тратиться на книги. Сейчас ей приходилось довольствоваться электронными версиями в интернете да сельской библиотекой с её скудным, устаревшим фондом.

Антон заметил на себе взгляд Ирины и отошёл от шкафа, как ей показалось, с некоторым сожалением.

– Хорошая у вас библиотека, – сказал, поднимая с пола рюкзак.

И она почувствовала, как её неприязнь к этому парнишке сменяется любопытством.

Когда Никитка привёл Антона в следующий раз, Ирина встретила его более благосклонно. Она даже спросила, нравится ли ему в деревне.

– Вы знаете, во всём можно найти плюсы и минусы, – было видно, что он уже раздумывал над этим вопросом, и как будто даже обрадовался, что нашёлся человек, с которым можно поделиться размышлениями. – Плюс деревни в том, что здесь есть огород и можно выращивать бесплатные овощи, в то время как в городе нам их приходилось покупать. Ещё один плюс в том, не надо платить за жильё. И самый главный плюс – это то, что у меня здесь есть своя комната.

Да уж, после проживания в одной «клетушке» с родителями, которые постоянно ругаются и периодически устраивают посиделки с друзьями, собственная отдельная комната, наверное, кажется ему раем.

– А школа понравилась?

– Школа как школа, – задумался он. – В школе ведь главное – учителя. Учителя от моих бывших ничем не отличаются, такие же требовательные.

– А я думала, главное в школе – дети, – возразила Ирина и с интересом стала ждать, что он ответит.

– Ну да, дети тоже... Но это с какой позиции смотреть. Для нас, детей, главное в школе – учителя, потому что мы ходим туда учиться. Для учителей – дети, потому что они ходят туда учить нас.

Он говорил, а Ирина смотрела на него во все глаза. За внешней обыкновенностью, даже какой-то бесцветностью, в нём, кажется, скрывался довольно интересный собеседник. Этот мальчишка располагал к себе всё больше и больше. Теперь она поняла, почему Никитка так тянется к нему.

На этот раз Антону нужно было скачать презентацию по физике. Ирина оставила их на время, а когда вернулась, то вновь застала гостя у книжного шкафа. Он держал в руках раскрытую книгу, взволновано трепещущую страницами, и с жадным любопытством всматривался в неё.

– Любишь читать? – спросила она.

Он вздрогнул, как воришка, пойманный за поеданием украденного пирожка, и захлопнул книгу. Ирина узнала «Книжного вора» Зусака.

– Люблю.

Осторожно, словно книга была из тонкого хрусталя, он втиснул её на место и смущённо пустился в объяснения:

– Просто я много слышал об этом романе и начинал читать его, но прочитал только ознакомительный фрагмент в интернете, полностью нигде не смог найти. Увидел у вас – и стало интересно, много ли там ещё осталось.

– И как, понравилось тебе начало?

– Да, очень!

О, Ирина слишком хорошо знала, что такое история, затянувшая тебя. История, в которую ты погружаешься, как в иной мир, и не просто наблюдаешь за происходящим со стороны – ты живёшь в ней, дышишь её воздухом, чувствуешь запахи... И как не хочется тебе выныривать оттуда, когда приходится... И как бросаешься в неё снова, очертя голову, едва появляется такая возможность.

Она не могла остаться равнодушной.

– Если хочешь, можешь взять почитать.

– Правда можно?! – просиял он.

И сердце Ирины окончательно растаяло: разве может плохой человек так искренне радоваться книге?

Однажды она случайно подслушала их с Никиткой разговор. Тот разговор надолго запал ей в душу, как горячий уголёк в ботинок, который никак не вытряхнуть.

– Хорошо, когда у тебя такая мама, – сказал Антон.

– Какая – такая? – не понял Никитка.

– Понимающая.

– А твоя?

– Моя меня не понимает. Ругается, когда я читаю. Ну, не то чтобы ругается... ворчит. Говорит, лучше бы я спортом занимался или чем-нибудь другим, полезным.

Ворчит – это мягко сказано. Ирина была наслышана, какими словами мать Антона обычно выражала своё недовольство, и недоумевала, как у такой матери и в таких условиях мог вырасти совершенно непохожий на неё, удивительный ребёнок. Он напоминал ей тоненький побег, который случайно оказался в гуще сорняков и, не смотря на трудности, упрямо тянется к свету.

Ирина пробовала представить себе его жизнь, его холодные утра (почему-то они виделись ей холодными), когда он вставал в школу, не выспавшийся после ночных родительских посиделок. Его уютные вечера, когда он прятался в своей комнате, как в бомбоубежище, от семей-

ных ссор. И чем чаще он приходил, тем яснее она понимала: приходил погреться у очага, хоть и чужого, но источающего такое сладкое домашнее тепло.

Иногда он засиживался допоздна. Ирина кормила их с Никиткой ужином и ни о чём не спрашивала, хотя догадывалась, по какой причине ему совсем не хочется домой. Да и не было необходимости спрашивать его: обо всём, что происходило на их улице, она узнавала от Ольги Тарабановой, приятельницы, живущей через дорогу. У неё Ирина через день покупала молоко и в качестве бонуса получала подборку свежих новостей. Ольга обладала удивительной способностью быть в курсе всех событий.

От Ольги Ирина узнала, что мать Антона зовут Ленкой, что до Кольки у неё была уже целая уйма мужей, которых она, якобы, рассматривала исключительно как средство для выживания. Переехав в деревню и не найдя здесь работы, она решила устроиться дневной сиделкой в городе. Так тут делали многие, благо до города всего сорок с небольшим километров, можно утром уезжать и вечером возвращаться. В первый же рабочий день она встретила хороших знакомых и осталась у них ночевать. На том её работа и закончилась. Колька поставил ультиматум: либо сиди дома, либо собирай манатки и вали. Ленка выбрала первое.

В один из стылых ноябрьских дней, когда угрюмые тучи свисали до самых крыш и скупо роняли на замёрзшую землю белые крупинки, Антон пришёл какой-то напряжённый. Он был полон нервного ожидания, часто бросал взгляд в окно, за которым холодный ветер гонял по дороге скрюченные листья, как злой кот несчастных мышей. Время от времени набирал чей-то номер, и телефон упрямо выдавал ему одну и ту же металлическую фразу: абонент не может ответить на звонок.

– Кому ты всё звонишь? – поинтересовался Никитка.

– Да так... – уклончиво потупился Антон.

Обычно они что-нибудь обсуждали, спорили. Вопросы их занимали самые разные, от того, чем питались стегозавры, до полёта американцев на Луну. В качестве третейского судьи выступал всезнающий интернет и, в совсем уж редких случаях, Ирина. Такие дискуссии Никитка называл поисками истины, они нравились ему чрезвычайно. Но в тот день беседа не складывалась, рушилась раз за разом, как неустойчивая пирамидка из детских кубиков, и тогда Никитка предложил пересмотреть все выпуски обожаемого им мультфильма о трёх богатырях.

Когда мальчишки уселись у компьютера, Ирина, взглянув на спину Антона, придавленную какой-то невидимой тяжестью, вдруг почувствовала, что ей хочется подойти и положить ему руки на плечи.

«Я не знаю, что у тебя случилось, – сказала бы она этим жестом, – и не буду спрашивать. Просто возьми немножко моих сил, может, тебе станет легче».

Однако сделать так не осмелилась.

Вечером, сходя за молоком, она узнала, из-за чего Антон был сам не свой и кому так настойчиво пытался дозвониться. Оказывается, его мать ещё накануне уехала в город за вещами, которые ей пообещала отдать двоюродная сестра, и, видимо, снова заночевала у «хороших знакомых». Колька рассказывал об этом в магазине, когда приходил выпрашивать в долг джин-тоник, и, хрипя от удушающего справедливого гнева, грозился выбросить её манатки, если она не вернётся к вечеру.

«Ну и тварь! – Ирине тоже хотелось хрипеть и браниться, когда выходила от Ольги, прижимая к груди тёплую банку с молоком. – Вообще не думает о ребёнке! Бросила его одного с этим алкоголиком, мало ли что тому может взбрести в голову!»

Она уже твёрдо решила оставить Антона на ночь у себя, но, вскинув взгляд на соседские окна, из которых тоскливо желтело только одно, кухонное, вдруг расслышала шаги, а затем и различила в вязкой темноте женскую фигуру, слегка перекошенную вправо под тяжестью сумки. Фигура свернула к соседским воротам.

Приехала!

Вместе с облегчением Ирина испытала странное раздражение, какое бывает, когда из-за неподвластных обстоятельств приходится отказываться от почти уже свершившихся планов. Она с удивлением обнаружила, что на самом деле где-то глубоко-глубоко, в тайне даже от самой себя, хотела бы, чтобы Ленка задержалась в городе до завтра.

3.

Стылый ноябрь не торопясь добрался до своего завершения. Пришла зима, мягкая, бархатистая, как спустившееся на землю большое облако. Дом наполнился особым уютом, светлым и праздничным от заоконной белизны.

Антон приходил почти каждый день, и, если его не было подряд два дня, Ирина начинала беспокоиться. Он по-прежнему брал книги из её шкафа. Чтение сближало их всё сильнее. Они много разговаривали о прочитанном. Обсуждали персонажей и их поступки. Из-за серьёзности суждений он казался ей раньше времени повзрослевшим, но иногда в нём ещё проглядывал ребёнок.

– Вы читали «Бедную Лизу»? – поинтересовался он как-то.

– Читала, но давно, ещё в школе.

– А мы её вот только что прошли, и нам задали по ней сочинение. Даже не знаю, правду писать или нет. Она какая-то дурочка, эта Лиза! – он был искренне раздосадован и выглядел таким забавным.

– Почему?

– Ну ясно же было, что этот Эраст её обманывает! Как можно быть такой наивной! Он ей вешает лапшу на уши, а она верит! Ещё и утопилась из-за него. Так глупо!

– Это же любовь, – попыталась объяснить Ирина. – А любовь слепа. И нравы тогда были другие, такой позор был хуже смерти.

– Дурацкие нравы, – пробурчал он, и она видела: понимает, но не хочет соглашаться вот так сразу.

Впрочем, книги были не единственной темой для бесед. Говорили буквально обо всём, даже о политике.

– Как вы думаете, если Жириновский станет президентом, он сможет навести порядок в стране или этот бардак так и останется?

– Даже не знаю, сможет ли, но, наверное, попытается, – ответила она, а сама смотрела на него во все глаза: интересно, что он сам думает по этому поводу?

– Я думаю, не сможет, – уверенно заявил Антон. – И никто не сможет. Слишком большая у нас страна. Вот представьте большой дом, где много, много комнат. И маленький дом, где мало комнат. В каком легче уследить за порядком? Конечно, в маленьком. А в большом пока наводишь порядок в пятой комнате, в двадцать пятой уже всё вверх дном.

– Получается, нужно в каждую комнату посадить по Жириновскому.

– Да. Но это невозможно. Что и требовалось доказать!

4.

К Новому году с вахты приехал Сергей. По характеру он был серьёзным, в чём-то даже суровым, мужиком-работягой. Суровость проступала и в чертах его лица: глубокой посадке глаз и выступающем вперёд подбородке. Впрочем, на лице её было больше, чем внутри. Клиентки Ирины и малознакомые люди его побаивались, но близкие знали, каким он может быть ласковым и весёлым, если снимет свои «доспехи»: хмурый взгляд и холодную молчаливость.

Присутствие Антона в их доме ему не понравилось. Ничего особенного он в соседском мальчишке не разглядел и ни симпатией, ни жалостью не проникся. Спросил, когда терпение лопнуло:

– Чего он здесь ошивается целыми днями?

Ирина попыталась объяснить про очаг и семейное тепло.

– Ну он же не бездомный, – не желал ничего понимать Сергей. – Я не был дома четыре месяца. И я тоже хочу погреться, причём у своего собственного очага. Имею я на это право?

Сергей не мог чувствовать себя раскрепощённо в присутствии чужих людей, Ирина видела, как он устал и как ему хочется наконец высвободиться из своих «доспехов». Конечно, это было неправильно, что он чувствует себя некомфортно в собственном доме. Но не выгонять же Антона. Это было равносильно тому, чтобы пригретого с улицы несчастного котёнка, уже успевшего поверить в человеческую доброту, безо всякой на то его вины, выставить обратно в холодный, бездушный мир.

Впрочем, ситуация разрешилась без её вмешательства. Антон и сам заметил, что атмосфера в доме изменилась: напиталась исходящим от хозяина напряжением, стала густой и упругой, словно стремилась вытолкнуть неугодного гостя из дома. Стоило только ему появиться на пороге, хозяин становился похожим на большого матёрого кота, который расхаживает по своей территории с недовольным видом. «Лучше тебе убраться отсюда подобру-поздорову!» – как будто говорил он.

Зал полностью оказался во владении хозяина, и заветный книжный шкаф стал недостижим для Антона. Разговаривать с Ириной, как раньше, он теперь тоже не смел, потому что и она в какой-то степени принадлежала хозяину. Никитка, наскучавшийся по отцу, вился вокруг него, чуть ли не приплясывая от радости, и, конечно же, втянул его в «поиски истины». Отцовское мнение стало для него единственно важным и непререкаемым. Даже если бы Сергей сказал, что Земля плоская, убедить Никитку в обратном было бы невозможно.

И наступил день, когда Антон не пришёл. Он не пришёл и на другой день, и на третий. Сначала Ирина испытала облегчение. Но это было ложное облегчение, с затаившейся до поры до времени оборотной стороной.

Однажды она увидела Антона в окно. Он нехотя брёл домой, пряча лицо от колючих пощёчин метели за меховой опушкой капюшона. В тот момент она так остро почувствовала себя виноватой перед ним, как будто кто-то незаметно подкрался сзади и вонзил в спину кинжал. Так и промаялась весь месяц «с кинжалом в спине», то впадая в кратковременное забытие, то вновь отчётливо ощущая под сердцем безупречно отточенное лезвие.

5.

Через несколько дней после отъезда Сергея в сених послышался долгожданный весёлый топот, означающий, что Никитка возвращается из школы не один. Ирина не помнила, чего в ней было больше, когда она выходила навстречу: радости, волнения или страха, что вдруг он ведёт с собой другого мальчишку. Помнила только, как они с Антоном посмотрели друг на друга, признаваясь одними глазами, что рады увидеться в этой прихожей снова, и только потом поздоровались вслух.

– Вот, я тут книжку принёс, – сказал он, протягивая собрание «Дозоров» Лукьяненко. – Наконец-то прочитал. Извините, что так долго.

Ирина чуть не расплакалась. Милый мальчик! Сознательно или не сознательно, но он пытался снять с неё вину и переложить на себя, предлагая другую, свою версию событий. Дескать, не приходил так долго не потому, что это она не смогла защитить его от сердитого хозяина, а потому, что просто всё это время читал книжку.

– Ну, я пойду, – он неуверенно повернулся к двери. – А то мне скоро на факультатив по математике надо идти...

– Нет-нет, что ты! – испугалась Ирина. – Я так быстро тебя не отпущу! Давай раздевайся, проходи на кухню, будем чай пить.

Он заулыбался, и улыбка ярче лампочки озарила полутёмную прихожую.

Никитка тоже был рад и даже горд, что доставил в дом такого гостя, и вился вокруг него, как совсем недавно вокруг отца.

– Давай быстрее попьём, потому что мне надо тебе кое-что показать. Я вчера такую «думалку» интересную скачал!

Ирина выставила на стол всё вкусное, что было в шкафу и холодильнике: колбасу, сгущёнку, малиновое варенье, насыпала полную вазу конфет, страшно жалея, что не осталось булочек с изюмом, напечённых Сергеем в дорогу.

– Ну рассказывай, как у тебя дела, – велела Антону, протягивая ему кружку с чаем, на боку которой «сидел» пухлый снегирь. Это была её любимая кружка.

– Да пойдёт, – коротко ответил он и замолчал, то ли стесняясь, то ли осторожничая.

– Что в школе?

– Нормально.

– Уже решил, какие экзамены будешь сдавать?

– Историю и географию.

– А что потом? Останешься в школе или пойдёшь дальше?

– Хотел бы уйти, конечно, – вздохнул он. – Но мать сказала, что не отпустит.

– А куда бы ты хотел?

– Всё равно куда, лишь бы поскорее.

У Ирины знакомо заныло сердце, затрепыхалось, будто птичка, сдавленная в стальном кулаке. Она снова представила холодный вечер, холодную комнату и Антона в ней, забившегося с книгой в угол дивана. Нестерпимо захотелось дотронуться до него и перелить ему через прикосновение хоть немного своего тепла, чтобы потом, когда придёт домой, оно согрело его.

После чая стеснение Антона прошло, он разговорился. Последнее время его волновал вопрос, который он сформулировал так: «Судьба делает из человека то, что он из себя представляет, или человек творит свою судьбу?» От ответа на этот вопрос зависело решение ещё одного, более важного: стоит ли тратить силы на борьбу с обстоятельствами или лучше расслабиться и плыть по течению, если всё равно судьбу не изменить?

Проигранная борьба за право покинуть школу после девятого класса, видимо, настроила парнишку пессимистично. Ирина посчитала, что нужно подбодрить его:

– Мне кажется, как человек сам для себя решит, такой и будет его жизнь. Решит плыть по течению – будет жить там, куда его занесёт: в болоте, так в болоте...

– В канализации, так в канализации, – вставил смешок Никитка.

– Решит карабкаться в гору – значит рано или поздно доберётся до вершины, – договорила она.

– Но почему тогда некоторые всю жизнь карабкаются, и не могут ничего добиться? – возразил Антон. – А другие плывут по течению, и у них всё прекрасно? Одни рождаются в нищете, горбятся, пока есть силы, и в нищете же умирают. Другие рождаются в богатстве и живут, наслаждаясь жизнью и ни в чём себе не отказывая.

«Почему я родился именно в этой семье?» – послышалось Ирине между слов.

Он смотрел на неё с терпеливым ожиданием. В ясных зелено-карих глазах светился этот упрямый, невысказанный вопрос и уверенность, что она знает ответ.

Ирине на мгновение показалось, что и правда знает. Или знала когда-то. Она изо всех сил напрягла память. Что-то важное, очень важное должно было вот-вот проявиться в чёткую мысль, но тут Никитка поперхнулся чаем, и мысль, испугавшись, ускользнула обратно в тёмные, непроглядные глубины памяти.

– Мне тут идея пришла, – Антон улыбнулся немного смущенно. – А что если наша жизнь здесь – это всего лишь игра, и человеческие судьбы – это просто разные уровни сложности? Говорят же, что дети ещё до рождения выбирают себе родителей. Может быть, они выбирают себе не родителей, а уровни?

«Ах вот ты о чём!» – с облегчением вздохнула Ирина, но чувство, что ей нужно вспомнить что-то важное, не исчезло.

– Как знать, – сказала вслух. – Всё возможно.

Судя по его «уровню», выходило, что он довольно неплохой игрок. Лучше Никитки, лучше её, лучше многих своих одноклассников, «выбравших» себе уровни попроще. Наверное, эта идея давала ему какое-то утешение.

6.

Зима катилась к финишу. В воздухе волнующе запахло весной, но вместе с этим Ирина чувствовала и смутную тревогу. Весной они с Сергеем планировали покупать квартиру в городе.

Антон теперь был занят подготовкой к экзаменам, заходил не так часто и не так надолго, как раньше. Иногда его визиты совпадали с визитами клиентов, и Ирине совсем не удавалось поговорить с ним. Правда, уходя, он обязательно заглядывал в комнату, которую она оборудовала себе для работы, с вопросительно-выжидательным «Ну, я пошёл», словно не мог уйти без её негласного на то благословения.

Как-то Ирина подстригала пожилую подслеповатую женщину. Когда Антон появился на пороге комнаты с очередной книгой в руках и всё с тем же о чём-то спрашивающим взглядом, женщина с улыбкой качнула головой в его сторону:

– Это ваш сын? Похож!

Ирина не стала ничего объяснять. Только посмеялась про себя: они были совершенно не похожи с Антоном. Но слова клиентки острыми коготками зацепились в душе и настырно царапались там, требуя внимания к себе. Она отмахивалась от них, пока вдруг не пришло осознание: а ведь и вправду похож! Разве они не похожи друг на друга любовью к книгам? Такая похожесть гораздо важнее внешней. Но всё-таки как странно, что он похож на неё, а не свою мать! Как будто по ошибке родился не у той женщины.

Дальнейшие размышления привели к тому, что Ирина стала высчитывать, мог ли Антон быть её сыном. Выходило, что вполне. Если бы она родила ребёнка в восемнадцать лет, то сейчас ему шёл бы шестнадцатый год... И тут её бросило в жар: она ведь была беременна как раз в том возрасте!

Это случилось на первом курсе торгово-экономического колледжа, куда она поступила после школы. Свобода, самостоятельная жизнь и симпатичный однокурсник вскружили голову. Мама, узнав о случившемся, без разговоров потащила её в больницу. Паника тогда парализовала Ирину. Беременность казалась ей концом жизни, крушением надежд на счастливое будущее. Она была готова на всё, лишь бы стать такой, как раньше – весёлой девочкой-первокурсницей, словно бабочка, беззаботно порхающей над цветочной поляной с другими такими же бабочками. Избавившись от ребёнка, она с облегчением вздохнула и вскоре забыла о том происшествии.

«А что, если...» – затрепетала мысль.

«Нет, не может быть!»

«А что если он должен был родиться у меня?»

«Нет, так не бывает!»

«А как бывает? Ведь никто не знает, как бывает!»

«Не сходи с ума!»

«Я абсолютно в своем уме. Он должен был родиться у меня! Иначе как объяснить всё это?»

Ирина обвела взглядом комнату, призывая стены засвидетельствовать, что она не сумасшедшая. Догадка лихорадочно билась в голове, как пойманная наконец рыбина, не дававшая ей покоя столько времени.

Вместе с догадкой пришло отчаяние: скоро, совсем скоро история повторится, и она, так ненадолго обретя Антона, снова его оставит. И, получается, опять ради собственного благополучия. Он останется один мёрзнуть в своём холодном мире. В её доме поселятся чужие люди, и никто больше не будет ждать его в нём, интересоваться его делами...

Как бы было хорошо, если бы ему разрешили уйти из школы после девятого класса! Тогда они все вместе уехали бы в город и могли бы видеться в любое время. Может, поговорить с Ленкой? Хотя, если разобраться, Ленка в своём решении права. Мальчишка не глупый, учится хорошо, после одиннадцатого класса у него будет возможность поступить в институт, а сейчас куда он? У него и цели-то конкретной ещё нет, «всё равно куда, лишь бы поскорее отсюда».

Ирина мучилась в поисках решения, которого не существовало. Остаться самой было невозможно. Что она сказала бы Сергею? Давай поживём здесь ещё два года?

Помочь могло только чудо. Не зависящее от неё обстоятельство. Например, если бы... если бы Ленку лишили родительских прав. Тогда она смогла бы забрать Антона себе. Конечно, Сергей был бы против. Но если бы такое случилось, она сделала бы всё, она вымолила бы у него согласие!

7.

Май и половина июня выдались суматошными: покупали квартиру в городе, делали в ней ремонт, продавали дом в деревне. Сергей находился в состоянии эйфории и готов был расцеловать весь мир от счастья, которое принесла ему сбывшаяся мечта.

Антон сдавал экзамены и забегал иногда повидаться, стараясь угадать в такое время, чтобы хозяина не было дома. Впрочем, если Сергей и заставал его в гостях, то почти не обращал внимания, как, бывает, люди не замечают того, что для них уже наполовину в прошлом. Только спросил однажды:

– Тебе не кажется, что он в тебя влюбился?

Ирина рассмеялась:

– Что за глупости!

– Он же не отходит от тебя ни на шаг!

– Он тянется ко мне, потому что мы с ним похожи, – попыталась объяснить она, сомневаясь, правда, что муж поймёт. – Люди всегда тянутся к себе подобным. Это называется родственные души.

Исходящее от Сергея радостное волнение волей-неволей передавалось Ирине. Город манил, будоражил воображение, в котором, словно в калейдоскопе, складывались причудливые узоры будущего, один другого краше: новые знакомые, новые возможности, движение, суэта, жизнь! Однако так происходило только когда мысли об Антоне утрачивали бдительность. Стоило им встрепенуться – узоры тут же рассыпались на бессмысленные, тусклые стёклышки.

Ирина всё ждала, когда он спросит о переезде. Не мог же Никитка не похвастаться, что они купили квартиру. Да что Никитка – вся улица звенела этими новостями.

Но Антон не спрашивал. В последнее время он стал приходиться какой-то поникший, часто проваливался в себя, как будто внутри у него лежало что-то такое, что никак нельзя было оставить без внимания. Ирина списывала всё на скорое расставание и страдала, как ей казалось, с ним в унисон.

Он хорошо сдал экзамены, но совсем не радовался этому. Нехотя ходил на репетиции к выпускному и, как ни уговаривала его Ирина подстричься, упрямо отказывался, мотая из стороны в сторону обросшей головой.

Тем временем Сергею подвернулась работа в городе с неплохой зарплатой. Чтобы не тратить время и деньги на ежеутренние и ежевечерние поездки туда и обратно, он пока в одиночку заселился в новую квартиру, а Ирине с Никиткой велел потихоньку упаковывать вещи, намереваясь на выходных пригнать за ними машину.

Антон молчал до последнего. До того, пока не увидел, что пустые коробки, в ожидании сваленные неряшливой пирамидой на веранде, пошли в ход и начали заполняться вещами.

– И как я теперь буду? – потеряно вырвалось у него.

Ирина принялась утешать, притворившись, что не видит причин для расстройства:

– Ты что? Как обычно! Ничего почти и не изменится! Мы ведь живём в век продвинутых технологий и всегда будем на связи! Можешь звонить или писать нам с Никиткой в любое время!

– Я буду к бабушке часто приезжать, – вмешался Никитка. – Могу на каждые выходные!

– А если ты будешь в городе, то обязательно к нам заезжай, – подхватила Ирина. – А потом, после школы, ты тоже в город переберёшься.

Антон криво улыбнулся и поднял на неё по-стариковски усталые глаза. «Ничего этого не будет», – ясно прочитала она в них, и холодок пробежал по спине от той железной уверенности, которую они излучали.

А потом случилось то, что случилось.

8.

Ирина с нетерпением поглядывала в окно на дом Ольги Тарабановой. Ольга была нужна ей как никогда!

Наконец, в старой мужниной ветровке с подвёрнутыми рукавами, помахивая хворостинной, та пригнала из паса свою красно-белую корову. Выждав ещё немного, Ирина отправилась за молоком и новостями. Не может быть, чтобы у Ольги не было хоть какой-нибудь информации об Антоне!

Ольга охотно поделилась тем, что знала.

– Это он всё из-за девчонки, – уверенно сообщила она. – Знаешь ведь дочку Рублёвых, коммерсантов наших?

Ирина кивнула. У Рублёвых в деревне был магазин, открытый ещё в девяностые. Первые частные магазины называли коммерческими, а их владельцев – коммерсантами, с тех пор у Рублёвых и образовалась «двойная» фамилия: Рублёвы-коммерсанты. Их младшая дочь училась вместе с Антоном. Выглядела она очень эффектно: фигуристая, длинноволосая, симпатичная, – но глаза всегда смотрели на окружающих с высокомерием, из-за чего Ирина её недолюбливала и сейчас, услышав о ней, неприятно удивилась выбору Антона.

– Она же дуб дубом по всем предметам, – торопилась рассказать Ольга. – Ну и давай она ему глазки строить, чтобы списывать давал и на контрольных помогал. Маленькая, а ушлая! А потом он к ней, дружить чтобы, а она его при всех унизила. Дескать, неужели ты правда подумал, что я с тобой, нищобродом, встречаться буду? Вот он, видать, переживал, переживал и...

– Подожди, – перебила Ирина. – Когда это было?

– Ну... недавно совсем. Она, говорят, так ревела, когда её полиция допрашивала...

Так вот, значит, что носил он в душе! Вот почему был сам не свой последнее время! И про переезд ничего не спрашивал, потому что не было ему дела до их переезда!

– А эта... – Ольга сделала слабое движение рукой в сторону, где стоял дом Антона. – Она мало того, что денег на чаепитие ему не дала, так и вообще не пошла на выпускной. Ей даже не охота было на ребёнка своего посмотреть. Пошла бы, так может, ничего бы и не случилось. После вручения аттестатов все собрались в клуб на чаепитие, а он постоял, постоял на крыльце... и пропал вот. Аттестат в урне нашли.

Ирина представила, как Антон стоит на школьном крыльце и смотрит в спины одноклассникам, которые, уже забыв про него, дружно и весело шагают в клуб. Надеется, что оглянутся сейчас, позовут...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.